

ВИКТОР СБИТНЕВ

УКОРЕНЁННЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

Есть такая земля – Кострома...

Нет, в самом деле, странным образом скроен русский человек, а тем паче, костромич! И четыреста лет назад, сразу по завершении “великой смуты”, удивлялся он тому парадоксу – что отчего-де посчастливилось уродиться вроде на самой обширной и богатой земле, а живём беднее всех?.. И триста лет назад удивлялся: что же это, всё рубим и рубим эти проклятые “европейские окна”, а живём по-прежнему скудно?.. И двести лет назад, низвергнув французского супостата, перед которым трепетала вся Европа, и принеся тем самым российскому самодержцу всемирную славу и господство, удивлялся тому же. Ещё более удивлялся он этому сто лет назад, в 1913 году, когда империя Российская во главе с опекаемыми царём костромскими белопащцами кормила своим хлебом едва ли не всю Европу, а сама перебивалась со жмыха на солому... Кстати, именно в ту достопамятную пору гениальный костромской философ Василий Розанов в письме к своему не менее гениальному земляку Павлу Флоренскому назвал костромичей **самыми укоренёнными людьми России**, вложив в это определение как великую гордость, так и “многие печали”.

В последнее время меня, такого же костромича, только живущего столетием позднее, стало вдругстораживать специфическое свойство российской жизни – то, что её парадоксы каким-то весьма чудным образом перешли из разряда явлений исключительных в разряд обыденностей, проще говоря, перестали удивлять. Ну, скажите на милость: разве сегодня кому-нибудь понастоящему больно от такого очевидного несоответствия: **Россия – самая богатая страна мира, а подавляющая часть её населения живёт, по современным меркам, бедно**. И даже очень бедно! Повторюсь, что из подобных парадоксов буквально соткана современная российская действительность. Но даже на общероссийском фоне Костромская область – тоже своего рода парадокс, причём парадоксален самый факт существования такого субъекта на карте Российской Федерации. Но обо всём по порядку.

Начнём с того, что Костромская губерния после 1917 года зажила, пожалуй, самой тяжёлой по сравнению с другими регионами России жизнью. Ничего хорошего от самодержавия не выдавшие большевики чрезвычайно не любили Кострому, известную как “колыбель дома Романовых” и одна из “по-

СБИТНЕВ Виктор Альбертович, прозаик, публицист, главный редактор “Костромского собеседника” — ежеквартального литературно-художественного журнала Костромской области.

ставщиц” на бурно развивающийся капиталистический рынок целой плеяды блестящих личностей купцов и предпринимателей, среди них Фёдор Чижов, братья Павел и Сергей Третьяковы, Иван Сытин, Михаил Красильщиков и другие. Именно они и им подобные заложили отличительные черты истинно русского предпринимательства, которые до сегодняшнего времени являются едва ли не главным примером рачительного отношения к делу. Ни до Чижова и его “коллег по ремеслу”, ни после них в России не было столь квалифицированных и профессиональных устроителей крупных производств и столь же справедливых и совестливых граждан страны и родного края. Львиную долю своих гигантских прибылей эти “хищные буржуи” вкладывали в учреждение и содержание в Костроме и губернии учебных заведений, театров, больниц и в строительство иных общественно значимых объектов.

В послереволюционное время с Костромской губернией творились разные чудеса. Сначала её упразднили, превратив в район огромного Ивановского промышленного края, а затем кое-что от неё перепало Нижнему Новгороду (Горькому), Ярославлю и Вологде. При этом надо заметить, что знаменитый Иваново-Вознесенск до этой славной “перестроечной” поры был всего лишь одним из многих промышленных посёлков, разросшихся, как грибы после дождя, по всей стране, вставшей на путь капиталистического развития. Там (да простят меня трудолюбивые и добрые ивановцы!) до этой самой поры фактически не творилось ничего, что бы стало заметно в российской истории, но там возникли первые Советы!.. А в центре Костромы – древнейшего русского города – на постаменте искусно выполненного памятника бывшей правящей династии установили статую... вождя мирового пролетариата! А памятник династии Романовых, правивших Россией 300 лет, уничтожили вместе с Костромской губернией.

Каждый, кто учился в советской школе, а тем паче окончил советский вуз, помнит, что, в отличие от наших времён, преподаванию истории тогда уделялось ключевое место, и, конечно, знает, что в конце двадцатых годов, вскоре после свёртывания нэпа, страна взяла курс на индустриализацию. Огромные средства и людские ресурсы были брошены на строительство крупных промышленных предприятий. Их строили по всей стране, в том числе и на территории современного Центрального региона: в Ярославле, Иванове, Горьком, Вологде, Кирове... Но никто не собирался строить что-либо фундаментальное в каком-то районном центре, каковым в ту пору числилась Кострома!.. Да, на её территории валили лес для строек в соседних областях и сменяли на эти стройки костромскую молодёжь. И Костромскому краю оставалось развиваться, в сущности, одно лишь сельское хозяйство, по которому в эту пору шёл “девятый вал” коллективизации, сопровождавшийся массовыми раскулачиваниями наиболее работающих и соответственно продуктивных крестьян. Но костромской мужичок не опустил руки, и недаром же много позднее, в шестидесятые годы, лучший секретарь Костромского обкома КПСС Флорентьев был назначен на должность министра сельского хозяйства СССР. В Ярославле же отстроили огромный шинный и нефтеперегонный заводы, в Рыбинске – Рыбинский моторный, рядом с Вологдой – Череповецкий металлургический комбинат, в Иванове – целую череду текстильных фабрик, в Горьком... один автозавод чего стоит! Не говоря уже про мощнейшую “оборонку”! А потом началась война.

Хотя Кострома до самого 9 Мая 1945 года оставалась глубоким тылом, но Великая Отечественная выкачала и перемолола в своих смертоносных жерновах практически всех молодых мужчин края. Как значится в Костромской энциклопедии, “Костромская область отдала каждого четвёртого своего жителя фронту и каждого второго из них – безвозвратно”!.. Поэтому когда в августе 1944 года статус Костромской области был наконец-то восстановлен, он стал хоть каким-то, хотя и слабым утешением всему сильно поредевшему населению края. По городам и весям Костромской земли стоял плач куда более безутешный, чем во времена Батыева нашествия, когда и Кострому, и древний Галич не раз жгли, а то и вовсе стирали с лица земли. Да, во время войны область несколько пополнилась беженцами и эвакуированными с западных территорий страны, но это были, в основном, женщины, дети и старики. Многие истощённые дети Ленинграда, так и не сумев поправиться, умерли на Костромской земле, где им сегодня, словно считая себя в чём-то виноватыми, памятливые костромичи, “укоренённые русские люди”, поставили великолепный памятник.

Началось восстановление страны из развалин и пепла. И вновь СССР призвал на эти стройки самых молодых и перспективных. Губернатор Сергей Ситников, возглавивший Костромскую область два года назад, ссылаясь на недавние исследования Института прикладной социологии РАН, в личной беседе констатировал то печальное обстоятельство, что поскольку на территории нынешней области лет пятьсот (!) не велось никаких крупных строек, отток молодёжи отсюда был явлением постоянным. Притока же, естественно, не наблюдалось. Это, с одной стороны, сказалось на генетике местных жителей (почти чистая русская генетическая линия сохранилась!), а с другой – неминуемо привело к старению местного населения. И сегодня процесс этот, особенно в районах, приобретает угрожающий характер. Приток, по словам губернатора, конечно, был, но кого! В первую очередь, это отставные военные и северяне, которые приехали к нам в рамках жилищных проектов и программ, а они, как правило, люди уже немолодые.

А между тем, власти заново созданной области к шестидесятым годам оказались перед фактом, что между районами, с одной стороны, и областным центром – с другой фактически нет сколько-нибудь надёжных путей сообщения, то есть элементарных проезжих дорог. В тридцатые годы их прокладывали разве что для подвоза спиленного леса к железнодорожным узлам. Пишущий эти строки, приехавший в Кострому в конце восьмидесятых годов, добирался в дальние районы области, в основном, на самолёте Ан-2, который зимой, случалось, приземлялся и на каком-нибудь огороде. Вообще, вновь образованная область (исконно костромские, поволжские районы – Плёс, Кинешма, Юрьеvec так и остались за Ивановым) представляет собой довольно странную конфигурацию – это некий “чулок”, вытянутый с юго-запада на северо-восток примерно на шестьсот вёрст. И если сама Кострома стоит далеко не на самой северной реке Волге, то из Павина и Боговарова в особо морозные зимние ночи запросто можно увидеть сполохи северного сияния. А родина знаменитого русского художника-сказочника Ефима Честнякова вообще носит название в самом прямом смысле разъединяющее – Кологрив, то есть город, расположенный около (“коло”) гривы. Той самой гривы – выпуклости тверди земной, которая проводит чёткую границу между Югом и Севером России. И всё здесь, так или иначе, подчинено этому геофизическому разграничению. Например, реки, берущие начало к югу от этой гривы, такие, как некогда сплавная и богатая рыбой Унжа, текут в Волжский бассейн, а те, что начинаются севернее, скатываются с гривы на Север, к Ледовитому океану. В связи с этим и народ на территории нынешней Костромской области живёт разный, даже образ жизни, а не только говор у северян и южан совершенно не похожи один на другой.

Жители юго-запада области в большинстве своём значительно практичней и жёстче северян. В прежние времена где-нибудь в районе Вохмы, встретив на ночной дороге случайного мужика, можно было запросто рассчитывать на кров и скромный ужин. Увы, на юго-западе области, вблизи оживлённых магистралей и торговых путей, крупных производств и соответственно более обеспеченной жизни, такое представить гораздо трудней. А если уж и приютят, то за определённую плату. Бедность наша портит людей. Области **нужны** деньги. А их в нашем практически лишённом крупной промышленности крае всегда остро не хватало. Бюджет-то, как известно, пополняется за счёт налоговых поступлений с продуктивно работающих предприятий.

И всё-таки, как говорится, “лучше поздно, чем никогда”. Кое-как справившись с разрухой на западе страны, центр наконец-то обратил внимание на проблемы, так сказать, молодой области. Впрочем, всё вновь подчинили идеологии и геополитике, и уже в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов вокруг Костромы развернулось интенсивное строительство многочисленных ракетных шахт под ядерные ракеты, разумеется, с соответствующей инфраструктурой: сетью дорог, мостов, городков и прочего, прочего, прочего... Поскольку многие шахты “пришлись” на крайне заболоченную почву, копать которую было бессмысленно, её замораживали жидким азотом и лишь после этого долбили и сверлили. Когда ракеты были уже наведены на потенциальных врагов – страны НАТО и США, – вспомнили, что в столице области до сих пор нет шоссейного моста через самую крупную реку Европы – Волгу, которая здесь разливается более чем на версту. Мост построили лишь к 1970 году, а до этого так и сообщались две городские стороны при помощи

парама. И это в то время, когда большинство крупных промышленных предприятий было построено как раз на менее значительной по численности населения заволжской стороне города (в прошлом году на мосту провели долгожданный ремонт!). Так и жили, сурово и весело.

Основное костромское производство — это текстильные мануфактуры и машиностроение, но со временем появилась и углублённая переработка древесины, и не только в Костроме, но и на северо-востоке области: в Мантурове и Шарье. Честно говоря, костромская лесная отрасль жила очень неплохо почти до ельцинских времён. Леспромхозы (ЛПХ) стали не только производственными локомотивами края, но и средоточием культуры и духовной жизни. Здесь и зарабатывали больше, и жильё строили, и соцкультбыт налаживали, и работников своих и членов их семей обеспечивали всем необходимым для хорошей жизни, в том числе и пресловутым дефицитом. Костромской край — это не только Волга да боры дремучие, хотя под Кологривом до сих пор сохранились участки девственной нетронутой тайги с выводками теремов и глухарей, с лосями, медведями, кабанами и даже рысями. **Костромская область — это страна синих озёр и разливов до горизонта, это край искусных рыболовов и охотников, грибников, ягодников, травников и уникальных знатоков всех удивительных секретов русского Севера.** Здесь, где-нибудь под Боговаровом, пахают такое домашнее масло, что после него и знаменитое вологодское есть не станешь. Здесь, где-нибудь под Бумом, Сусанином, а то и Вохмой тебя угостят таким сыром, какой ни одному голландцу придумать не под силу. А от ухи с Чухломского озера можно сойти с ума! Вспоминается одна занимательная история...

В разгар так называемого застоя в Кострому очень любил ездить на охоту брежневский зять Юрий Чурбанов со товарищи, которого, как водится, встречало первое лицо региона, в ту пору — первый секретарь Костромского обкома КПСС Юрий Баландин. Уже находясь в воздухе, первый заместитель министра внутренних дел Чурбанов попросил главу области Баландина угостить его знаменитыми чухломскими карасями. Времени оставалось в обрез. Что делать?! Баландин, о крутом нраве которого в Костроме до сих пор рассказывают анекдоты, вызвал из местной воинской части вертолёт и послал солдатиков на Чухломское озеро ловить карасей. А дело было январской ночью, аккуратно на Крещение! Мороз в Чухломе стоял такой, что весь карась забился в тину, и в сеть, спущенную через прорубь, естественно, идти не торопился. Обозлённый Баландин сидел на рации, поминутно спрашивая про улов. О каждом пойманном карасе ему докладывали отдельно. Наконец, когда число рыбин перевалило за дюжину, первый секретарь приказал срочно лететь назад и как можно скорее доставить улов вместе с чухломским ухаваром. А весил каждый озёрный карасик, между прочим, никак не меньше килограмма. Так что Чурбанов и московские генералы были страшно довольны угощением, сваренным в специальном казане на каких-то заранее заготовленных, не известных никому травах... И подобных рассказов я слышал десятки, и все они всегда были только из первых рук, от непосредственных участников и свидетелей событий.

И всё же, увы, самое сильное впечатление на меня произвели не Чухломское и Галичское озёра, и даже не заповедный Каменик, где, запнувшись о белые грибы, можно вывихнуть ногу, а острова между Нёмдой и Унжей неподалёку от Берёзовца, что в Кадыйском районе. Мы с сыном ловили там щук “на дорожку” и были страшно увлечены процессом, как вдруг заметили какие-то странные перемены вокруг. Словно Стикс переплыли! Вода незаметно встала и потемнела, а кругом воцарилась такая мёртвая тишь, какой в июле, да ещё на весёло текущей Нёмде, просто быть не могло! Ни птичьего щебета, ни коровьего мыканья (на островах всегда паслись коровы, самостоятельно переплывав с одного клочка суши на другой), ни древесного шелеста... Внимательно присмотревшись к ближайшему острову, мы увидели старый пирс из полусгнивших брёвен, а дальше — ржавые остовы небольших судов-лесовозов и лесопогрузочной техники: краны, лебёдки, вагонетки, обломки рельсов, обрывки тросов и прочее. Потом появился ещё один такой пирс, а потом ещё и ещё. Всё как будто говорило о том, что здесь произошла какая-то страшная катастрофа, и люди, которые некогда работали в этих краях, просто в одночасье бросили всё и кинулись в чащи, спасаясь от смертельной опасности. И больше они сюда уже не вернулись. Сын, ничего не понимая,

сидел на корме и, словно домашнего кота, гладил по голове недавно пойманную, ещё не уснувшую щуку, а я вдруг вспомнил про Унжлаг, о котором мне рассказывал один костромской краевед пару лет назад. Помнится, я ещё и слушал-то его не шибко внимательно, поскольку обильно хлынувшей литературой обо всех этих лагерных ужасах был уже утомлён. И вот на тебе, так просто, безо всякой журналистской цели, сибаритствуя и наслаждаясь любимым видом отдыха на редкой по красоте реке, взять и выплыть сразу в центр самой страшной русской трагедии!.. Ещё не выйдя полностью из ступора, я неожиданно громко закричал сыну, чтобы он грёб отсюда в обратную сторону, ужасаясь одной лишь мысли, что впереди нас могут поджидать всё новые и новые пирсы. Успокоились мы лишь возле Берёзовца при виде плывущего прямо по Нёмде стожка (!). Это один из местных “укоренённых” жителей вёз с островов сено, укутавшись в него с головой.

Вообще говоря, костромичи в семидесятые-восьмидесятые годы жили не хуже других, и не только “лесники” (работники лесной отрасли), но и, например, многочисленные “текстильщики”, которые имели весьма приличные привилегии по сравнению с теми же машиностроителями, учителями и прочей интеллигенцией: высокие зарплаты, ежегодные бесплатные путёвки, свои профилактории и стадионы. Да и самый крупный в области Дворец культуры, в который охотно ездили и ездят все звёзды страны и зарубежья, — их, текстильщиков! Даже в первые годы ещё советского рынка они оказались в выигрыше, поскольку стали менять часть своей продукции на дефицитные в ту пору автомобили “ВАЗ”, которых попросту не было в свободной продаже. А тут директора льняных комбинатов обеспечили своих сотрудников дефицитными автомобилями “от и до”! Многие, честно говоря, их попросту перепродавали, и не по одной машине. Ещё лучше жилось работникам крупнейшей в Европе Волгореченской ГРЭС, расположенной в полусотне километров от Костромы, которая до приезда на неё Чубайса была не только градообразующим для Волгореченска предприятием, но и значительно пополняла областной бюджет. Но с приходом во власть Ельцина и команды Гайдара всё, увы, в Костромской области стало круто меняться в худшую сторону. И, конечно, не только и даже не столько в материальном отношении. У большинства “укоренённых” россиян попросту вышибли из-под ног абсолютно все основы их жизни, самого мироощущения. Подавляющее большинство людей среднего и более чем среднего возраста перестали понимать: что (а главное — во имя чего) в стране происходит? Какие-то проворные молодые люди, которых никогда не видели ни на фабриках, ни на комбинатах и заводах и которых ранее все считали тунеядцами и спекулянтами, стали массово скупать ваучеры, становясь хозяевами тех самых предприятий, что совсем недавно кормили практически всю область. Теперь же, воцарившись на них, новые хозяева, первым делом, грубо говоря, гнали всех в шею, и прежде всего — самых опытных и профессиональных специалистов, потому что они во все времена оставались, по большому счёту, независимыми гражданами края и страны. Признаться, мне этот процесс чем-то напоминал раскулачивание, только в сфере производства. Чем всё это закончилось, известно. Самые умные и мастеровитые со временем ушли в частные фирмы, а то и вовсе уехали из края, оставив фабрики и заводы на полное разграбление и умирание. И они практически все умерли...

Умереть текстильной промышленности края помогала и Китай, рьяно занявшийся переработкой исконно русского продукта — льна. Китайцы стали заваливать им западные рынки по заниженным ценам. И вскоре Дания, Голландия, Италия и иные наши постоянные западные партнёры переключились на торговлю с китайцами.

Но куда больнее было “лесникам”, поставившим на рынок основной костромской продукт — пиломатериал. Главный удар гайдаровцы нанесли по леспромхозам, практически уничтожив их и завязанные на них структуры жизнеобеспечения. И если горожане в этой ситуации ещё как-то могли переориентироваться и даже какое-то время просуществовать, например, на зарплату члена семьи, занятого в другой отрасли, то в многочисленных удалённых от центров лесных посёлках наступил самый настоящий мор, поскольку в них все только лесом и занимались — от мала до велика. Я знаю, о чём пишу, потому что изъездил весь костромской северо-восток вдоль и поперёк.

Лесорубы – это соль костромской земли

Их посёлки и называются по-особому, словно и не сёла так называли, а прозрачные лесные родники, которые всегда наши люди оберегали пуще своей жизни: Талица, Воробьёвица, Полдневица, Черемошница... Так и слышится в них – “водица”, а ещё есть в череде их и Питер, и Иерусалим... В конце концов, ЛПХ точно так же разворовали и обанкротили, как и городские предприятия. В этой связи мне в ту пору очень хотелось дать холёному “реформатору” Гайдару топор и отправить его куда-нибудь под костромскую деревню Гробовщина, в царство мошкары и слепней – сучковать заваленный ельник!..

А “процесс”, о котором говорил ещё Горбачёв, всё шёл и шёл: вскоре в области ликвидировали мобильные дорожно-эксплуатационные предприятия (ДЭПы), жилищно-эксплуатационные комбинаты и участки (ЖЭКи и ЖЭУ), ремонтно-строительные участки (РСУ) и даже наша “градообразующая” ракетная дивизия была выведена в неизвестном направлении, а многочисленные ракетные шахты взорвали и частично засыпали старыми денежными купюрами. Я бывал в брошенных военных городках, на так называемых ракетных точках. Ощущение сродни тому, что я описывал выше, когда случайно заплыл в УнжЛаг. Но до сих пор я езжу на своём автомобиле по многочисленным проложенным военными бетонкам, и до сих пор в костромских лесах не заросли рваные траншеи – следы выкопанных мародёрами кабелей... О сельском хозяйстве и говорить нечего. В области есть районы, например, Пыщугский, где “колхозов” (ОПХ или СПХ) нет вообще: скотина забита, а пахота окончательно заросла дурниной.

Но, как утверждал некогда Александр Блок, у которого взбунтовавшиеся в семнадцатом году мужики сожгли родовое имение, сколько бы мы ни говорили о печальном и не рассуждали о концах и началах, всё же необходимо думать и о простом человеческом счастье. Какое оно у людей в нашем заповедном лесном краю? “Оно соткано из удивительных, неповторимых приоритетов, – считает костромской губернатор. – Скажите, где ещё, в каком регионе огромной страны русский мужик ставит взаимоотношения с соседом выше отношений с супругой?! Честно, не знаю: плохо это или хорошо... Но вообще дружба в шкале нравственных ценностей у жителей нашего северо-востока стоит на первом месте! Увы, здоровье пока лишь на восьмом...”. Наверное, поэтому ничто в области сегодня не развивается столь интенсивно, как строительство и переоборудование поликлиник, больницы и медицинских центров. И приток свежих сил наблюдается, например, врачей из соседних регионов, где у них и зарплаты ниже, и нет той сетки льгот, которые разработаны и обеспечены губернатором и местной думой. Да и бизнес, если трезво подумать (увы, пьянство по-прежнему остаётся главным бичом провинциальной жизни!), способен встать на ноги не только на торговом юго-западе области, но и в удалённых от цивилизации Боговарове или Павине. Для этого бизнесмену необходимо понимание цели своей деятельности, честолюбие и самоотверженность. В общем, те же качества, которыми обладали костромские предприниматели начала прошлого века.

И в крохотном Павине, например, таковых наберётся человек пятнадцать. Это бывшие лесорубы, трактористы и инженеры, которые, используя преимущества протекционистской в сфере развития лесоперерабатывающей отрасли политики, учредили в начале нашего века более десятка частных фирм. Пишущий эти строки объехал с главой района несколько таких малых предприятий и был несказанно удивлён высокой культурой павинской лесопереработки: до двадцати пяти наименований продукции по самым высоким евро-стандартам! И каждая партия, а то и отдельное изделие – в целлофановой плёнке и с маркировкой. Но и среди этих полутора десятков предпринимателей, по мнению Сергея Ситникова, есть настоящие феномены, опыт которых может стать живым примером для всей России. Например, хозяйство Курбанова (я был в нём лично ещё лет пять-шесть назад), на котором лесопереработка искусным образом сочетается с сельским хозяйством. На первых порах как животноводство, так и земледелие предприниматель поддерживал исключительно за счёт леса. Но со временем он сумел добиться такого гармоничного сочетания видов деятельности, при котором всё в хозяйстве стало зависеть одно от другого. Навоз и опилки так обогащают курбановские посевные уго-

дья, что земля на них даёт до сорока центнеров с гектара зерновых при пятнадцати-восемнадцати центнерах у соседей. В свою очередь, хорошие урожаи обеспечивают значительные привесы свиней и бычков. Средства же от выгодно реализованного мяса Курбанов вкладывает в модернизацию лесоперерабатывающего оборудования и расширение лесосечных площадей. Кстати, плату за аренду лесосечных площадей нынешняя администрация снизила почти вдвое.

Увы, куда более однороден и незатейлив бизнес, развивающийся в самой Костроме. К сожалению, в большинстве своём местные предприниматели не унаследовали тех, прежде всего, человеческих качеств, коими были в полной мере наделены их знаменитые на всю Россию предшественники. Кажется бы, налоги – святое дело! Но даже их – легальные, предусмотренные федеральными законами денежные отчисления в бюджет – нынешние костромские капиталисты платят неохотно, изощрённо изобретая разного рода “уходы” и хитрости. Например, в любом из магазинов широкой сети одного “закоренелого” депутата областной думы вы получите на кассе сразу несколько чеков: колбаса и мясо – от одного ИП, рыба и консервы – от другого, молочная продукция – от третьего и так далее. Делается это как раз с целью уйти от налогов и хорошо известно в самых широких кругах, как дробление бизнеса. И лучше других это знают костромские силовики и фискальные органы. Но... в костромских думах, как областной, так и в городской, львиная доля депутатов – предприниматели, которые ловко лоббируют свой бизнес, часто применяя при этом не самые прозрачные приёмы и методы (пресловутые зарплаты в конвертах и прочее). Так, Кострому небезосновательно называют ювелирной столицей России, но налогов областная казна от этой самой столицы получает – кот наплакал. То же можно сказать и о строительстве. Например, некогда мощный и единый Горстрой сегодня также представляет собой не менее дюжины куда более мелких строительных компаний и фирм. Одна из основных причин всё та же: возможность более гибкого ухода от налогообложения. Депутат областной думы и руководитель группы компаний “ФЭСТ” Владимир Михайлов по этому поводу не раз взывал к коллегам: дескать, пора образумиться и перестать дурить хотя бы самих себя. Ведь постыдным для всех нас является не то, что налогов не платят разного рода подпольщики (тех же ювелиров-частников в одном только Красносельском районе более трёхсот!), а как раз то, что это постыдное явление касается руководителей, формально признанных и уважаемых, которые поставляют на рынки всего Центрального региона самый широкий спектр товаров и услуг. Кстати, бизнес самого Михайлова без натяжки может служить примером для всех российских предпринимателей. Когда-то, ещё в девяностые, он решил развивать на костромской земле такую сферу, которую до него по каким-либо причинам не “трогал” никто. Это – автомобильные аптечки. Уже к 1995 году ФЭСТ становится в стране очевидным лидером в этом сегменте производства. Дальше – больше. В 1998 году Михайлов активно берётся за производство бандажной продукции, которую до него в стране монополизировал Минздрав. Со временем и здесь ФЭСТ выходит во всероссийские лидеры. Для того чтобы прилично выглядеть на европейском уровне, предприниматель начинает активно ездить во Францию и Италию с тем, чтобы выставлять свою продукцию женского белья на международных выставках. Его дизайнеры и модельеры скрупулёзно изучают все самые модные тенденции и цвета, и вскоре ФЭСТ признают одним из лидеров в сфере производства товаров для женщин. “А ведь мы только сунули туда нос!” – восклицает предприниматель. На предприятиях Михайлова работает порядка пятисот человек, а в Европе предприятия подобного профиля насчитывают не более ста работников и уже считаются крупными. Сегодня он поглощён производством стерильной продукции, в том числе для беременных и только что родивших женщин.

А началось всё с его жены, которая вышла в фойе родильного дома к мужу, “укоренённому россиянину”, в весьма смешном, плохо сидящем халате. Выяснилось, что своё бельё и одежду в роддом приносить нельзя, ибо там всё должно быть абсолютно стерильным. И это стало толчком для предпринимателя Михайлова. Сегодня ФЭСТ производит более тридцати видов стерильной одежды для женщин. Это постельное бельё, полотенца, пледы, носки, детские комплекты, различные бандажные как дородовые, так и послеродовые вещи и прочее. Но гуманитарная мысль предпринимателя пошла дальше.

Возвращаясь из Парижа, он разговорился в самолёте с Виктором Николаевым, директором фирмы “Старсем”, которая, помимо прочего, стерилизует одежду для космонавтов, стартующих во французской Гвиане. Оказалось, что они делают это кустарным способом... Похоже, беседа может перерасти в сотрудничество, поскольку предприниматели подобного склада “с тех ещё времён” никогда и ничего не бросали на полпути.

Весьма характерно и знаменательно то обстоятельство, что он не конкурирует со своими, а, наоборот, как и предприниматели прошлого – Чижовы, Третьяковы, Сытины, – делает костромское дело всероссийским, европейским и, может быть, мировым. А что? Он ещё довольно молод, а у молодых есть перед всеми нами одно существенное преимущество: они, как правило, – оптимисты и, в лучшем смысле этого слова, прагматики. А мы сейчас, живя и действуя в потенциально самой богатой стране мира, продолжаем в большинстве своём свыкаться с, так сказать, персональной бедностью как с непреложной данностью, вроде нашего тощего костромского бюджета. Но кроме тощего бюджета остаются ещё и они, *нынешние Чижовы*, которых год от года становится на земле Костромской всё больше, медленно, но верно.

Бывая сегодня у нас, как предприниматели, так и просто туристы из индустриально развитых регионов, мягко говоря, недоумевают: да откуда у вас столько торговых центров – в разы больше, чем в любом соседнем городе? Например, где ещё можно найти столько всего для строительства и ремонта, как в костромском “Аксоне”? Поверьте на слово: нигде! Разве что в Москве или Питере, только существенно дороже. То же можно сказать и о нашем наивкуснейшем в мире хлебе (например, о самых доступных в России пирогах и тортах!), и о нашей пище духовной, за которой на родину последней монаршей династии едут сегодня из соседних областей, некогда пытавшихся поглотить, по мановению космополитического Центра, наши реки, леса, сёла и города. Не получилось – Бог уберёт! Последние русские кесари пошли из Костромы, и Бог у нас – один. Но это здравый смысл и логика. А есть ещё и “живая” власть, которая, по меткому выражению Пушкина, “для черни ненавистна”. Весь вопрос в том, согласны ли мы, “укоренённые русские”, считать себя черню?... Самая пора пришла с этим как-то определиться. Хотя бы потому, что опять российская власть наши края и области намерена “укрупнять” путём пресловутого присоединения слабых к сильным. Понятно, что Кострому, если это начнёт происходить в Центральном регионе, в силу тех же причин “назначат” слабым регионом, а, к примеру, Ярославль, который дымит всеми своими трубами всего в шестидесяти километрах от Костромы, – сильным. И вряд ли тогда “геополитиков” из Думы смутит то “временное” геополитическое обстоятельство, что Костромская область более чем вдвое обширней Ярославской. Ну, не смешно ли?!

А может, чем снова заниматься болезненными административными перетасовками, лучше приступить к окончательной разработке и последующей реализации проекта по глобальному инвестированию Центра России?... Теперь же мы, добрые и отзывчивые “укоренённые” русские люди, искренне радуемся построению колоссального моста на Дальнем Востоке, преобразению Краснодарского края, присоединению Крыма. Но если честно, то нам самим чрезвычайно остро не хватает ещё одного (грузового) моста через Волгу, а российским природным газом, который обогревает пол-Европы, пользуются всего пять районов области из двадцати пяти! Более того, даже в самой Костроме найдутся дома и целые улицы, на которые ещё не ступала нога работника самой мощной в мире газовой компании. Пора бы уж вспомнить о “коренной” России и наших “коренных” русских людях.